

Валерий Брюсов

Наше будущее

Валерий Яковлевич Брюсов

Наше будущее

«Когда пишешь статью в наши дни, знаешь наверное, что ей суждено устареть к завтрашнему утру, если не сегодня вечером. События, и события огромного исторического значения, сменяются с быстротой, которую называют головокружительной. Ни в частной жизни, ни в судьбах нашей родины не обеспечен следующий день, и никто не возьмётся пророчествовать, что будет с нами через год, через месяц, через неделю. Мы не уверены даже, что будет читаться на будущих картах Европы, в пределах Восточной низменности, где текут Днепр и Волга: широкой лентой слова – «Российская республика»? шрифтом в разрядку – «Федерация народов России»? или много разных надписей, среди которых одна в ряду других – «Московская республика», если только не «Московское царство»? Как сложатся политические отношения государств и народов Европы в близком будущем, какое место займут среди них Россия и русские, всё это – вопросы, на которые каждый затруднится дать решительный ответ...»

Валерий Брюсов
Наше будущее
[Л<итературно>-
Х<удожественный> кружок
и русская интеллигенция]

Когда пишешь статью в наши дни, знаешь наверняка, что ей суждено устареть к завтрашнему утру, если не сегодня вечером. События, и события огромного исторического значения, сменяются с быстротой, которую называют головокружительной. Ни в частной жизни, ни в судьбах нашей родины не обеспечен следующий день, и никто не возьмётся пророчествовать, что будет с нами через год, через месяц, через неделю. Мы не уверены даже, что будет читаться на будущих картах Европы, в пределах Восточной низменности, где текут Днепр и Волга: широкой лентой слова – «Российская республика»? шрифтом в разрядку – «Федерация народов России»? или много разных надписей, среди которых одна в ряду других – «Московская республика», если только не «Московское царство»? Как сложатся политические отношения государств и народов Европы в близком будущем, какое место займут среди них Россия и русские, всё это – вопросы, на которые каждый затруднится дать решительный ответ.

Есть, однако, некоторые стороны этого близкого будущего, уже теперь выступающие

совершенно отчётливо. Не весело быть зловещим пророком и предрекать дурное, но и не должно закрывать глаза на то, что видишь ясно и явно. Если вообще мрачен сумрак, окружающий настоящее, то черты будущего, выступающие из него, может быть, ещё чернее и суровее. Можно, с полной уверенностью, сказать одно: как бы счастливо ни повернулся дальнейший ход событий, какие бы неожиданные удачи ни ожидали нас на пути, пусть даже исполнятся все самые заветные надежды наших оптимистов, всё равно – нам предстоит ещё годы и годы переживать тяжёлую эпоху. Если даже страшные потрясения нашего времени выведут нас на светлый путь свободы и демократизма, благополучия и преуспеваний, всё равно – последствия пережитых потрясений будут чувствоваться долго и остро.

[В самом деле, разве не явно, что большая часть из того, на что опиралось прежнее значение России, поколеблена или уничтожена. Россия выйдет из современного кризиса во всяком случае территориально уменьшенной, в военном отношении ослабленной, зна-

чительно обедневшей, с расстроеным хозяйством... Россия старогоро режима хвалилась огромным протяжением империи, громадностью своей армии, неисчислимыми, казалось, ресурсами страны. Пусть всё это было – призрачно, обманчиво; пусть взамен утраченного мы приобретем подлинные ценности; несомненно, однако, что утрата земель, ослабление военной силы, расстройство государственного хозяйства, всё это].

Ещё недавно никто не оспаривал у России права считаться великой державой. В общем представлении она была чем-то огромным, несколько таинственным, скорее – страшным, чем привлекательным. Европу поражала необъятность этой империи, заполнявшей чуть ли не по половине в каждом из двух материков; военная мощь России казалась несломимой, благодаря бессчётному «запасу живой силы» (как тогда говорили); русское правительство пользовалось широким кредитом, так как капиталисты всех стран верили в неисчерпаемость «естественных богатств» нашей страны; для промышленных государств русский рынок рисовался, как некое

Эльдорадо, сулящее бесчисленные барыши. Европа плохо знала Россию, не знает её и поныне, но всегда несколько боялась её, даже после Японской войны, всегда надеялась хорошо поживиться на наш счёт, ссужая нам деньги, всячески эксплуатируя нас, и потому сознавала, что следовало бы узнать ближе этот «северный Сфинкс». Последние десятилетия Россию в Европе изучали, к ней внимательно присматривались, – хотя пока и без особого успеха.

Такое отношение к России несомненно должно измениться. Пусть даже нам удастся с честью и сравнительно благополучно выйти из переживаемого кризиса; пусть он даже послужит нам только на пользу, и, сняв с нас маску призрачного и ложного империалистического величия, даст нам возможность выявить наше истинное значение... Всё равно, пройдет очень много времени, пока это будет понято и осознано другими народами. В ближайшее же время они будут видеть лишь одно: разрушение того гиганта, который два столетия страшил их. Территориально ограниченная (и кто знает, насколько!), с ослаб-

ленной, если не уничтоженной военной мощью, лишенная международного кредита, утратившая своё значение богатого рынка, в виду расстройтва народного хозяйства, будущая Россия будет представляться Европе чем-то, почти не заслуживающим внимания. Её вычеркнут из списка «великих держав», а русских из числа «великих народов». Россия для «среднего человека» в Европе станет тем же, чем мы считали, напр., Персию, – ничтожными остатками когда-то великого прошлого.

Разумеется, такой взгляд будет ошибочен. Какие бы испытания ещё не предстояли России и русским, наша тысячелетняя культура не может быть сметена за одно пятилетие неудач. Но Европа, та Европа, которая, – повторю, – всё ещё не знает нас, легко поверит, что это и могло произойти, и произошло; достаточно будет того, что изменится внешность, чтобы она поверила, что изменилась и сущность. И если нет причин слишком дорожить «суждениями Европы», тем более суждениями «среднего человека», то не следует и пренебрегать всемирно-общественным

мнением. Не последнее дело, что видят в нас другие народы, не говоря уже о том, что их точка зрения имеет и практические последствия (для нашей торговли, для курса наших денег, для судьбы русских за границей, купцов, студентов, путешественников и т. д.). Можно и должно, пренебрегая «чужим толком», делать своё дело, но столь же должно и оберегать своё «доброе имя», свою народную честь. И в том будущем, которое открывается перед нами, мы должны будем показать и доказать, что ход истории мог уничтожить Россию как империю, но не властен, в несколько лет, сделать, чтобы русский народ перестал быть «великим народом».

Было время, когда русские умели заявлять свои права лишь силою штыка; так Пётр доказывал под Полтавой, что Россия – европейское государство; так Екатерина, участвуя в дележе Польши, хотела этим доказать, что её империя имеет равные, и даже большие права, как Пруссия и Австрия; подобные же доказательства приводили и Александр, вводя Людовика в Париж и председательствуя на конгрессах, и Николай, посылая

своих солдат против боровшихся за свободу венгерцев, и Александр II и III, грозя армиями то немцам, то туркам, то китайцам... Это время, когда Россия была «грозой Европы», прошло, по-видимому, навсегда, и нет причин жалеть об нем. Наша кровавая слава частью была призрачной, частью – неправой и называлась «славой» лишь по традиции от тех давних времен, когда человек не знал ничего выше силы. В будущем мы, вероятно, будем лишены возможности таким путем добывать «славу» и такими доказательствами защищать свои права. Но, если бы после того мы, в самом деле, отказались и от славы, и от прав, мы доказали бы этим, что никогда их не были достойны. Наоборот, именно утратив свой обманчивый престиж «грозной империи», мы получим возможность добиваться подлинных прав в семье человечества и подлинной славы в истории.

Может быть, наша территория значительно сузится; вероятно, наша военная сила ослабнет; наверное, наша страна обеднеет надолго; несомненно, нам придётся долго исправлять разруху нашего народного хозяй-

ства. Но у нас всегда останется то, чего никто не в силах у нас отнять: наши духовные богатства, наша наука, философия, литература, искусства, наше культурное самосознание, достигнутое нами мастерство во всех областях художеств и ремесел. Мы утратим способность грозить материальной силой или подавлять капиталом; но мы сохраним возможность духовного творчества в области государственного строительства, общественной жизни, знаний и художеств. Энергия культурного творчества не зависит ни от объёма государства, ни от его богатства. Раздробленная Италия XV–XVI вв. была учительницей человечества; разорванная на части Польша властвовала над умами гением Мицкевича, Словацкого, Красинского; недавно ещё маленькая Норвегия привлекала внимание всего мира голосами Ибсена, Гамсуна и их содеятелей. И что бы ни ожидало нас в будущем, – большие грозы или неожиданное счастье, – мы должны пронести свет нашей национальной культуры сквозь эти бури.

Новое значение приобретает впредь всё, что мы сделаем во всех областях духовного

творчества.

Такова область творчества государственно-политического. В прежние годы деятельность наших государственных людей была обставлена всевозможными трудностями: личная воля государя, традиции империи, сословный строй и многое другое подрезали крылья таким людям, как Сперанский или деятели эпохи «великих реформ», и совершенно закрывали пути другим, объявляя их «государственными преступниками». Ныне открывается свободный простор для такого рода творчества. Если наши государственные люди, те, которым суждено будет в ближайшие годы стоять во главе правительства, сумеют удачно разрешить великие задачи, встающие перед ними, дать России достойный мир внутри и вне, и вывести её на путь нового процветания, – то будет блестящим доказательством духовных сил русского народа, его зрелости и высокой культуры. Это – то, что мы ждём от наших политических деятелей.

Таковы ещё области творчества научного и философского. Уже Ломоносов, два столетия

назад, показал, что русский научный гений способен прокладывать новые пути знанию. С тех пор мы давно перестали быть только учениками Европы; во всех сферах знания русские учёные совершали свои завоевания. Но Европа запомнила лишь небольшое число имен, как Менделеев или Мечников в точных науках, как Вл. Соловьёв – в философии (да и то влияние последнего нельзя сравнить даже с влиянием, например, Бергсона!). Учёным и философам будущей России предстоит с новой настойчивостью заявить права русской науки. Мы должны объяснить всему миру сделанное нами в этой области и подтвердить свои слова новыми работами. Если русская наука и русская мысль обратят на себя внимание всего человечества, разве это не будет лучшим доказательством, что мы, русские, – один из «великих» народов.

Наконец, таковы же области особенно близкие читателям этого журнала, – творчества литературно-художественного.

Мы давно, и по праву, гордимся нашей литературой. Мы знаем величие нашего Пушкина, но, по многим причинам, он – недоступен

иностранцам (как и Гоголь). Зато Лев Толстой был в той же мере, как русским, всемирным писателем; творчество и проповедь Толстого сделали больше, в смысле «признания» нас Европой, чем все победы императоров, от Петра до Николая. Гений Достоевского заслужил нам уважение утончённейших умов Европы; Ницше, в те дни, когда называл себя «той высшей вершиной, которой в данное время достигло человечество», почтительно называл автора «Бесов» своим учителем. К этим двум именам должно присоединить имя Тургенева; из новых – Чехова, Горького. На этом не исчерпывается знакомство Европы с нашими писателями: если иностранцы что-либо знают о России, то именно её литературу. На немецком языке можно найти сочинения едва ли не всех, сколько-нибудь видных русских авторов[1]. До сих пор наша литература была нашим лучшим представителем на Западе и на Востоке (напр., в Японии), и она должна сохранить такое положение и в будущем. Русские писатели должны добиться, чтобы их читали везде, и чтобы их голос свидетельствовал всему миру о значении

России и русского народа.

Менее знакомо Западу наше искусство. Это происходит отчасти от того, что мы слишком «международны». Это свойство (превосходно выясненное в Пушкине Достоевским) позволяет нам усвоить себе все формы искусства всех веков и стран, но ослабляет национальное значение нашего художественного творчества. Брюллов не уступал в мастерстве знаменитым итальянцам своего времени; Репин писал портреты с силой Веласкеса; Серов – с проникновением Рембрандта; но иностранцы предпочитают обращаться к самим итальянцам, к самому Веласкесу, к самому Рембрандту. Пусть Сомов столь же изящен, как изысканнейшие мастера XVIII в., а Бенуа оживляет Версаль Короля-Солнца, как если бы был его современником; иностранца более интересует Малявин – с его русскими бабами, Рябушкин – с его «Стрельцами» или «Чаепитием», Юон – с его «городками» и т. под. Всё же русское искусство уже являлось победно на берегах Сены и Шпрее; парижане добивались русских декораций, и парижанки одевались по рисункам Бакста; рус-

ский балет «сводил с ума» пол-Европы и пол-Америки. Это не значит, что декорации Ларионова и Гончаровой или танцы Павловой и Нижинского выше творчества Репина и Серова; важно то, что те или другие проявления нашего искусства торжествовали в тех областях, где наши западные соседи самодовольно считали себя учителями и недосыгаемым образцом. Русским деятелям кисти, карандаша, резца, русским композиторам, русским артистам предстоит и в будущем защищать занятые позиции, и побеждая своих западных соперников на их собственной почве, и являя им то новое слово, какое может и должно сказать человечеству русское искусство.

Наступает эпоха, когда для русских деятелей во всех областях духовного творчества падает новая, великая ответственность. Их творчество становится в двояком смысле служением народу: и потому, что они будут работать для народа, обогащая его сокровищницу духовных ценностей, и потому, что будут единственными представителями народа пред человечеством. Творчество не только государственного деятеля, но и писателя, ху-

дожника, музыканта, актера – станет делом общественным, общенародным, государственным. Важно, чтобы сознание такой ответственности проникло всех работников в области искусств и литературы. Легкомысленное отношение к своему делу, ещё вчера бывшее если не прощительным, то не имеющим особого значения, завтра окажется преступным. Где недавно мыслимо было руководиться себялюбием, партийностью, материальным расчетом, скоро допустимо будет лишь благоговейное отношение к своему делу. Что сегодня для некоторых – забава, в будущем для всех должно стать – подвигом.

Может быть, всё это слишком требовательно, но не забудем, что мы переживаем исключительные дни. В серые будни прошлого дозволительно было ссылаться на свою слабость и малость. Пред лицом мировых переворотов каждый обязан понять, что в общенародном деле нет ничего малого: каждая ничтожная черта что-то изменяет в общей картине. В прежнее время слишком часто слышалось рассуждение: «Я – не герой, и наши дни не героические!» Но наступили дни грандиозных

событий, и если не все в силах стать в уровень с ними, то каждый может стремиться к тому, чтобы подняться выше.

«Первая половина 1918»

Сноски

Впрочем, немцы в этом отношении составляют исключение. Извиняюсь, что беру самого себя как пример (просто потому, что он мне более знаком), скажу, что мне известно более 50 переводов моих произведений на немецкий яз. (в том числе 9 – в отдельных изд.), но только 25 – на французский, всего 4–5 на итальянский, столько же на английский и т. д. Сколько знаю, таково же отношение и переводов других авторов, более распространённых за границей.

[^^^]